

УДК 1(091)

ИДЕИ И. КАНТА В ТВОРЧЕСТВЕ М.В. БЕЗОБРАЗОВОЙ

В.В. Кравченко

ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет)», г. Москва

Первая русская женщина – профессиональный философ М.В. Безобразова (1857–1914) являлась последовательницей И. Канта. Учение немецкого классика стало основой формирования оригинальных философских и этических концепций русской женщины-философа. В теоретической философии она вслед за Кантом трактовала проблемы метафизики, знания, веры, свободы. Разработав собственную систему «этического идеализма» и рассматривая актуальные проблемы русской жизни, она часто стояла именно на тех позициях, которые усвоила от Канта. Даже критикуя взгляды Канта, М.В. Безобразова тщетно надеялась утвердить на русской почве западную рациональность и ответственность, усвоенную ею в кантовской этике.

Ключевые слова: М.В. Безобразова, история философии, метафизика, этические идеалы, «чистая нравственность», долг.

О значении кантовской философии для развития нашей отечественной мысли написано достаточно много. Но обратим внимание на уникальный случай – влияние идей Канта на творчество русской женщины – первого профессионального философа Марии Владимировны Безобразовой (1857–1914) [15, с. 24–29; 16, с. 77–150]. Характерной особенностью ее философских работ являлось то, что она не примыкала ни к какой философской школе, не интересовалась современными ей неокантианскими направлениями и всегда стремилась сформулировать свое собственное суждение как о личности, так и об основных идеях И. Канта.

Уже в юности она серьезно занималась изучением трудов И. Канта на языке оригинала. Выпускница известного в Петербурге немецкого пансиона Мезе, М.В. Безобразова в совершенстве владела несколькими европейскими языками. Рано осознав свое философское призвание, непосредственно испытывав в детстве опыт умирания, она по-особому проникновенно воспринимала кантовскую метафизику. «Все обращается в ничто, когда нет времени и пространства, – было мне ясно задолго до того, как я читала Канта» [5, с. 361].

В конце 1885 г. Безобразова уехала за границу, чтобы в Лейпцигском и Цюрихском университетах посещать лекции и углубиться в самостоятельное постижение философии. Наиболее пристально она изучала древнегреческих мыслителей и Канта.

26 января 1888 г. в Политехническом музее в Москве состоялась первая публичная лекция женщины-философа «О значении Канта», которая имела большой резонанс в обществе. В «Русских ведомостях» (от 28 января 1888 г.) был сделан подробный анализ такого «небывалого, необычайного» явления, как лекция женщины по философии. Автор статьи писал: «...изложение философии Канта было точное и связное, хотя дело не обошлось без некоторых

недомолвок и неясностей». Так: «Иное второстепенное, учение о трансцендентных схемах, было слишком выдвинуто вперед; иное существенное, например, учение о причинности и вообще о категориях изложено слишком сжато и отвлеченно, так что едва ли было понятно для публики. Нельзя не пожалеть также, что госпожа Безобразова излагала Канта его собственным языком. Во-первых, это лишало изложение необходимой общедоступности, во-вторых, выдержки из Канта невольно носили слишком отрывочный характер. Очевидно, что госпожа Безобразова основательно изучила Канта и вполне овладела его «Критикой чистого разума»» [18, с. 305].

В 1891 г. М.В. Безобразова защитила докторскую диссертацию в Бернском университете на тему «Рукописные материалы к истории философии в России». Но ни в России, ни за рубежом профессиональная философская карьера Безобразовой не сложилась. В России конца XIX в. работать женщинам на университетских кафедрах было запрещено. М.В. Безобразова читала популярные лекции и писала философские сочинения, издавая их за свой счет. Складывание ее философского мировоззрения проходило явно под знаком кантовских идей.

В статье «Что такое введение в философию» она доказывала, что наиболее глубинной сущностью любого философствования является его субъективизм. Она рассуждала так: «Ведь мы можем познавать действительность лишь такую, какую ее себе представляем с помощью наших внешних чувств и нашего мышления, и как чувства наши, так и мышление только субъективны или ограничены, они не совершенны, не абсолютны...» [7, с. 246]. Только осознав и честно признав свою субъективность, человек подходит к философствованию. «Быть субъективистом – это значит сознаться, что человек никогда не может выйти из своего я; это значит только подписаться под тем, что мы не знаем всего» [7, с. 251].

Для Безобразовой существовало две философские вершины – Сократ и Кант. Подлинное величие Сократа, с точки зрения Безобразовой, состоит в том, что он подошел к глубокому пониманию своего незнания. Цитируя «Апологию Сократа» («...я не воображаю, что знаю то, чего не знаю, а на это малое я и мудрее»), она писала: «Вот это малое и составляет то великое, чем обусловливается незыблемость субъективизма, то самое, чем велик и другой мыслитель, выразивший свое незнание в трех Критиках, Кант» [7, с. 249].

В одной из самых объемных работ «Краткий обзор существенных моментов истории философии» (1894) она вся новейшая философия разделялась ею на два периода, разграниченные именно философией И. Канта. Относительно его учения она рассматривала и взгляды многих западных философов. Так, останавливаясь на философии Х. Вольфа, русская исследовательница отмечала его несамостоятельность как мыслителя, большую зависимость от Г.В. Лейбница, но главное – схематизм, сухость, педантизм. Это – настоящая «школьная философия», которая вполне закономерно привилась в немецких университетах (в которых в конце XIX в. она слушала лекции). Наиболее неприемлемой для нее являлась попытка Х. Вольфа и нравственность сделать логической. «И с этою схоластикой XVIII в. столкнулся лицом к лицу Кант. Он изумился перед тем, как всё в ней было готово. И он не преклонился перед этою буквою, а разгадал, что дух ее был только буквою» [3, с. 203].

Учение Канта в работе М.В. Безобразовой как бы подводит итоговую черту под рассмотрением всей предшествующей истории философии. Она внимательно всматривается в личность, в перипетии жизненных обстоятельств немецкого философа, подчеркивая, что этому замечательному человеку всё давалось с огромным трудом. Если жизнь Канта и бедна внешними событиями, то углубление в философию и требовало такой жизни, когда нет ничего выше и интереснее вопроса о границах человеческого разума. Критический период в философии Канта Безобразова ассоциирует с деятельностью Б. Спинозы, отмечая, что Кант, двигаясь совсем другим путем, приходит к тем же выводам, что и его предшественник: человек представляет собой лишь звено Вселенной и его дух превосходит природу.

Русская мыслительница прослеживает, как, отвергая догматизм Х. Вольфа и скептицизм Д. Юма, Кант разрабатывал критический научный метод. Безобразова обнаружила безусловную собственную приверженность кантовскому пониманию разума: «Разумом Кант называет способность, обсуждающую общие правила, посредством еще более общих <правил> или начал. Рассудок, способность низшая сравнительно с разумом, объясняет явления с помощью общих правил» [3, с. 206].

Именно постановка вопроса о границах разума у Канта, о различении и разграничении разума теоретического и практического является величайшим достижением Канта, по ее мнению. Она рассматривает кантовское понимание пространства и времени, его логику, категории и основоположения, обнаруживая глубокое понимание его системы.

Основную заслугу Канта русская исследовательница видела в том, что он «понял вещь» и тем самым уничтожил метафизику. Безобразова понимала метафизику, с одной стороны, как «разрешение вопросов бытия», а с другой – как теорию, отражающую определенное отношение человека к природе. В первом случае Кант неопровержимо доказал, что вопросы бытия неразрешимы, при этом в его теории «несостоятельной оказалась положительная ее часть и плодотворно отрицательная», т. е. его критика оказалась выше, чем его собственная система. Во втором случае Кант заменил старую теорию собственной, которая будет преодолеваться последующими философскими исследованиями.

Провозгласив невозможность для человека познавать вещи сами по себе, Кант положил основу новому мировоззрению, которое разрушило представления о человеке как центре природы. Он впервые соединил, а не противопоставил реальный и идеальный элементы в сознании человека. М.В. Безобразова считала, что после Канта философия была «поставлена на твердую почву» экспериментальной психологии, все философы, исследующие проявления внутренней жизни человека, фактически «работают в области психофизиологии», так как «Критика чистого разума» подготовила фундамент для развития специальной науки. «Он эмпирик, – пишет Безобразова о Канте, – в том отношении, что видит в опыте один из источников знания, рационалист, потому что считает другим источником его формы наглядного представления и категории мышления. Он реалист, ибо не сомневается в существовании мира, если мир этот и не тождественен с тем, который мы познаем. И всего вернее потому будет назвать его феноменалистом. Ведь то, что наше познание заставляет предметы сообразоваться с собою, а не само с ними сообразуется, и

было тем открытием, которое составляет вечное достояние человечества; и открытием этим мы обязаны Канту» [3, с. 223].

Другой заслугой Канта Безобразова считала то, что он поставил чувства рядом с рассудком и перестал считать их низшей способностью. Он преодолел то старое заблуждение, что чувства дают смутные познания, а мышление – ясные. Кант показал, что различие между этими двумя источниками знания в том, что «чувства обладают восприимчивостью, мышление самостоятельностью». Но этот переворот Канта, считала исследовательница, остался неоцененным.

Безобразова отмечала неясность кантовского языка, которую он и сам признавал в «Пролегоменах». Еще одной слабостью его системы она считала пристрастие к трихотомиям, т. е. разделением на три части, которые не всегда оправданы и вели к схоластике.

В целом ряде произведений Безобразовой начиналась разработка тех проблем, которые сейчас определяются как «гендерная тематика», а на рубеже XIX–XX вв. именовались «женским вопросом». (Подробнее о гендерных аспектах собственного учения М.В. Безобразовой см.: [17]).

В своей статье «Кант, Шопенгауэр и Гартман о женщинах» Безобразова отмечала, что три столь различных философа – критик Кант, пессимисты А. Шопенгауэр и Э. Гартман – «судят о женщинах одинаково односторонне, в их взглядах обнаруживается презрение к целой половине человечества» [6, с. 22]. Она убеждена, что выражать свое презрение к женщинам или мужчинам, вообще любому человеку, – не дело философа. Философ, как думающий человек и выдающаяся личность, должен быть выше половых предрасудков, так же как и других общепринятых стереотипов. Философ должен выяснить причину появления таких общественных заблуждений, исходя из того, что «мужчины и женщины представляют собою два типа, одинаково нормальных и исчерпывающих понятие о человеке» [там же, с. 24].

Безобразова отмечала объективные суждения Канта о женщинах, когда он, в отличие от других, не приписывал им желания господствовать или склонность к удовольствиям, считая это общечеловеческими недостатками. Но также указывала на шаблонные его представления о женщинах: об их вражде и соперничестве между собой, безудержном кокетстве и т. д. Едва ли не пошлостью считала Безобразова суждение Канта об ученых женщинах, для которых книги, как часы, или идут неправильно, или стоят. Но это мнение она относилась опять на счет общенемецкой атмосферы и недостаточного опыта у вечного холостяка Канта в общении с женщинами.

По мысли Безобразовой, Кант приравнивал мужской и женский организм к сложным машинам, следовательно, невольно уравнивал два пола. Кант рассматривал, как с развитием цивилизации и ростом образованности общества все большую роль в нем играет женщина. Но, подчеркивала Безобразова, Кант не сделал очевидный вывод: положение женщины от одного исторического этапа к другому улучшается. Этот процесс является неотъемлемой принадлежностью прогресса общества, и на определенном этапе, уверена она, «такое изменение возможно только при большем умственном и нравственном развитии женщины, для которого, в свою очередь, потребуется и более законченное образование» [там же, с. 26].

Безобразова не занимала позиции исключительного отстаивания женских прав. По существу, она применяла категорический императив Канта, когда в социальных взаимодействиях, по ее мнению, «ни один из членов не служит средством для другого, а всякий является сам по себе целью» [там же, с. 44]. Она считала, что в цивилизованном обществе недопустимо, чтобы один пол господствовал над другим.

Создавая собственную классификацию философии, Безобразова явно опиралась на кантовские идеи. Находясь также под впечатлением новейших для ее времени направлений в развитии психологии, Безобразова прямо соединяет философию и психологию. В небольшой заметке «О двух философских терминах и классификации в философии» она писала: «Со времени Канта метафизика обратилась в метапсихологию и одинаково лишь по недоразумению сохраняется этот отживший термин, а не заменен народившимся новым. Как только центром тяжести философии стал вопрос о том, что лежит за пределами “я”, а не мира, метафизика уже обратилась в метапсихологию. С той минуты, что появился анализ понятия времени, пространства и причинности, был положен конец метафизике. И всё по-прежнему употребляется этот древний термин Андроника Родосского, как ни изменилась область исследований, углубилась и расширилась в иную сторону, противоположную той, на которую намекает это понятие. Никто не дает себе труда вдуматься и признать необходимость отбросить это ветхое платье, никуда не годное для нового тела. Термин этот далек от жизни, нечто мертвенное, и, когда нас спросят, “метафизики” ли мы теперь, мы как-то естественно говорим нет, и это потому, что мы давно метапсихологи» [5, с. 273].

Безобразова разделяет философию на три части: научную, чистую и прикладную (хотя в своем «Кратком обзоре...», она критиковала Канта за трихотомии!). Это соответствует этапам творчества Канта – первый научный период творчества, а затем рассмотрение чистого и практического разума (нравственности). И хотя научную философию Безобразова называет «психологией», в нее она включает психофизиологию, теорию подсознания, учение о чувствовании и учение о воле (или этику). Чистая философия в классификации Безобразовой делится на метафизику и метапсихологию. (Очевидно, что Безобразова имеет в виду новую метафизику, поскольку еще в своей публичной лекции 1888 г. она заявляла, что «философия Канта навсегда похоронила метафизику, хотя сам Кант еще может быть назван “последним апостолом” ее» [18, с. 305]). Метафизика, в свою очередь, подразделяется на рациональную психологию, онтологию, натуральную философию и космологию. Метапсихология делится на учение о времени, учение о пространстве и учение о причине. К прикладной философии Безобразова относит религию, искусство, право и историю.

К сожалению, свою классификацию философии исследовательница не прокомментировала, и нам остается только домысливать причины и логику построения столь необычной системы философии. Очевидно одно: и общее деление на три части, и подразделения каждой из частей на отдельные направления, по существу, соотносятся с идеями и интересами И. Канта, трансформированными Безобразовой в направлении психологии начала XX в.

Наиболее значительные работы Безобразовой были посвящены этике. Можно проследить движение этической мысли русской исследовательницы по

ее работам – от историко-философского анализа этики от Античности и Нового времени – до формирования ее собственного оригинального учения о «чистой нравственности». В «Кратком обзоре существенных моментов истории философии» мыслительница подробно останавливается на формальной этике Канта, утилитарной этике И. Бентама и Дж.С. Милля, отмечая, что в них смешиваются реальный и идеальный элементы. Решающим моментом в новоевропейских учениях о нравственности, по ее мнению, является отказ от эгоизма ради нравственного идеала, который сам по себе является целью.

В кантовской этике Безобразова раскрывает ригоризм немецкого классика, сводящего учение о добродетели к учению о долге; комментирует категорический императив и приводит логику рассуждений Канта по поводу свободы. Но ее отталкивала «механистичность» кантовской системы. «У Канта целесообразность соединяется с механизмом: поскольку предметы природы являются материалом внешних чувств, к ним прилагается механическое объяснение в той мере, в какой они являются предметом разума, в них осуществляется целесообразность» [3, с. 219]. Признавая значение «глубокого нравственного идеала», который дал новой философии Кант, она явно не считала себя прямой последовательницей немецкого классика. Чрезмерное преклонение многих русских философов перед ним явно ей претило. В одном из своих афоризмов Безобразова пишет: «Сколько пережевываний Канта и Конта! Каких больше – право, не знаю» [1, с. 62].

Собственное этическое учение Безобразова раскрыла в специальных статьях: «Что такое чистая нравственность», «К системе этического идеализма», «Что такое зло?», «Нищше о долге» и др. И хотя в этих работах Безобразова не ссылались на Канта, не искала в его трудах подтверждения своих положений, для нас совершенно очевидно, что именно в результате внутреннего диалога с немецким классиком Безобразова создала основы собственного этического учения. Нужно заметить, что в рамках представлений самой русской исследовательницы это было подлинным развитием кантовских идей. Еще в историко-философском «Кратком обзоре...» она писала о толкователях и комментаторах великих умов, которые в попытках сгладить или примирить действительные, а чаще надуманные противоречия могут только исказить или омертвить целостную философскую систему. Она была убеждена: «Толкователи эти забывают, что можно примирить только, когда вносишь свое, и такое свое, которое крепче прежнего, потому что жизненнее, и где опять новые противоречия, потому что бьется жизнь» [3, с. 4].

Особость сферы этики, ее сложные взаимосвязи с теоретической философией, метафизикой, эстетикой, социальной и государственно-политической сферой – все это явно почерпнуто и проработано Безобразовой в кантовских «Критиках» и этических работах немецкого классика – «Метафизике нравов», отдельных статьях.

Этика Безобразовой разворачивается в сфере той морали, которая была предложена Кантом: рациональной, подчеркивающей исходную двойственность человека, антинатуралистической, автономной и априорной. Признавая исходное положение, что высшая нравственность не может быть выведена из эмпирической жизни, в своем учении Безобразова даже усиливает автономность кантовской этики, настаивая на бесконечном, но необходимом для человека стремлении к нравственному идеалу, в принципе недостижимому в мире

явлений. Не случайно профессор Иенского университета Р. Эйкен определил учение Безобразовой как «этический идеализм». (В своей статье «К системе этического идеализма» Безобразова отмечала: «То, что я представительница этического идеализма, объявил мне талантливый ученый и мыслитель, увенчанный Нобелевской премией по философии, профессор Иенского университета Рудольф Эйкен, один из немногих философов, которых я знаю лично» [2, с. 190]). Русская философия для себя определяла свой «идеализм» так: она производит его от «идеала», который не отделяется от действительности, а воплощается в жизни. Этический идеал – это добро, ради которого необходимо бороться и неустанно трудиться, не рассчитывая на какую бы то ни было награду. По убеждению Безобразовой, добро и должно так существовать: не рассчитывая на окончательную победу, довольствуясь лишь некоторыми собственными «проблесками» на фоне торжествующего зла.

Сама возможность и необходимость такой постановки проблемы о чистом нравственном идеале прямо вытекала из онтолого-антропологической и антинатуралистической позиции Канта. Он полагал, что человек – существо одновременно и материального и духовного миров, но мораль имеет отношение не к природному индивиду, а к трансцендентной личности. При этом обе стороны человеческого существа нераздельно связаны. Так, Кант замечал еще в «Грёзах духовидца...»: «...моя душа вся во всем теле и вся в каждой из его частей» [8, с. 27].

На первый взгляд, у Безобразовой был более «материалистический» подход к человеку. Она убеждена в том, что «...человека нельзя разбивать на две части, что такое разделение противоречит жизни и истине. Человек един, а не двойственен. Это заблуждение, что есть какая-то душа, живущая отдельно от тела и помимо его – ее нет и быть не может» [2, с. 191].

Однако, идя вслед за Кантом, Безобразова полагала, что именно нравственность образует стержень человеческой личности, а главное – изначально выделяет человека из окружающего мира и кардинально отличает его от животных. Кант считал, что существование человека «имеет в себе самом высшую цель» [10, с. 469], что достоинство его личности выше любых иных ценностей в мире [14, с. 414–415], наконец, что именно веление нравственного долга способствует саморазвитию человека, а его реализация означает «собственное совершенство и чужое счастье» [12, с. 319].

Духовно-трансцендентная сущность человека выявляется в нравственности, как доказывает это русская философия. Для Безобразовой человек является носителем истины и добра во Вселенной, и если жизнь физическая представляет собой постоянное изменение, то подлинная жизнь человека – это постоянное умственное и нравственное стремление. В этическом пафосе русской моралистики читается современный антропный принцип: развитие трансцендентной Вселенной (а не эмпирической окружающей среды!) обуславливает развитие и совершенствование человека. В лекции «Из области метафизики» Безобразова утверждала: «И чем больше развивается человек, тем нравственнее делаются его мотивы, тем ближе он к правде и тем дальше от природы, не знающей правды. Человек – это носитель истины и добра, – их представитель на земле. Человек рождается каплей природы, человек умирает тем, что сделал из себя сам. Сознать свое призвание – это идти по дороге к лучшему будущему» [4, с. 38].

Вслед за Кантом Безобразова подчеркивает границы теоретического разума, а в области нравственности она не отделяет истину от добра. Безобразова полностью разделяет положение Канта о том, что «каждый должен сделать *конечной целью* высшее возможное в мире *благо*» [12, с. 11].

В статье «Что такое чистая нравственность» она утверждает: «Истина или добро составляет одно единое целое, – нет истины без добра и добра без истины. Особенно чуткие к вопросам нравственности русские создали слово “правда”: в нем соединяется как истина, так и добро» [2, с. 66].

Глубоко проработав категорический императив Канта, Безобразова не приняла его социально-правовой сущности. Она не считала мораль связанной с правом, а тем более подчиненной ему. Потому та тонкая грань между легитимным и моральным, которая прослеживается у Канта, раздвигается ею на «дистанцию огромного размера». Мораль, по представлениям Безобразовой, не просто определяет право, а в некоторых случаях – даже прямо противостоит ему. Совесть для русского этика, вне всякого сомнения, выше закона, всегда абстрактного и редко справедливого.

Безобразова само понятие долга трактует совершенно иначе, в сравнении с кантовским подходом. У Канта одинаковый нравственный интерес выявляет равенство людей между собой, превращая их в соучастников «мира разумных существ как царства целей» [9, с. 281]. И вытекающее из признания всеобщего категорического императива социальное и политическое равенство, в том числе и гендерное, не вызывает у русской философии сомнений. Однако она по-своему трактует автономность воли отдельного человека и утрирует признанное Кантом положение о том, что эта нравственная воля является «законом для самой себя» [9, с. 283]. Если в долге у Канта люди уравниваются потому, что сам долг для всех один, то у Безобразовой люди кардинально различаются, потому что у каждого – долг свой. Не случайно в одной из своих статей она так подробно исследует понятие долга не у Канта, а у Ф. Ницше.

По Безобразовой, «долг – положительное отношение к бремени, налагаемому на нас жизнью, или исполнению известных обязанностей. В широком смысле слова это развитие данных нам природой способностей, служение тому призванию, с которым мы явились на землю. Долг каждого из нас – нечто совсем особенное и отличается от долга каждого другого человека, как различны и способности. По тому самому долг не может быть шаблонен и формален, – это нечто живое, требующее для своего осуществления напряжения всех сил» [2, с. 53–54].

В ее представлении долга явно просматривается древневосточная «дхарма» или «дао» (воспринятое и Ницше из древних религиозно-философских систем), когда жизненное предназначение каждого существа уникально, несравнимо с другими. Потому жизненный долг определяет значимость и смысл целостного существования личности, а не просто систему социальных связей или выполнение государственных требований абстрактным индивидом. По существу, долг в учении Безобразовой имеет преимущественно теоретическое и не самодовлеющее значение, поскольку в нравственности основным регулятором выступает не он, а совесть.

Безобразова подчеркивает неразрывность связи философии и нравственности. Совершенно очевидно, что «чистая нравственность» Безобразовой – это попытка соединения «чистого разума» и практической философии Канта.

Однако, в отличие от позиции немецкого классика относительно «практического разума», русская философия не критикует свою «чистую нравственность», а пытается обосновать ее жизненную необходимость и значимость. Она выводит основные категории или, лучше сказать, некие «априорные» понятия «чистой нравственности». Ее основой Безобразова считает добро и истину, как идеалы, а главными регуляторами – совесть и идею справедливости. Кроме того, «чистая нравственность» включает правдивость (искренность), благородство, великодушие (конкретно – мужество и щедрость), а также человеколюбие и любовь к Отечеству.

Для Безобразовой «чистая нравственность» – это самый прямой путь человека к самому себе и наиболее человеческая форма постижения других людей, а также окружающего мира в целом. С этой точки зрения становятся по-особому вытнаты ее слова: «Надо стремиться к добру и истине ради них самих; надо делать добро, потому что оно добро, и из любви к истине любить истину. Жизнь человека имеет цену, лишь поскольку он жертвует целями себялюбивыми целям идеальным. Он должен ради идеала подавить личные побуждения» [там же, с. 55]. По ее убеждению, именно в сознании человека находится понимание истинного добра, и это понимание должно руководить нравственными поступками, ведущими к торжеству истины и справедливости.

Сегодня очевидна несовместимость взглядов Безобразовой, в сущности своей ориентированных на протестантскую мораль, с наследственно-русскими и православно-христианскими нравственными представлениями. У Безобразовой в нравственности отдельного человека должны превалировать самостоятельность, личная ответственность, разумность, стремление к исполнению высшего долга, признание «априорных» идеалов истины и справедливости. В русской же духовно-нравственной традиции, не говоря об обыденном сознании, у отдельного человека предполагались: общинность или «соборность», коллективная ответственность, апелляция к чувству (сердцу), склонность к пассивному следованию традиции и при этом часто уход от рефлексии по поводу абстрактных идеалов.

Потому призыв Безобразовой к индивидуальной ответственности, внутренней духовной свободе и безусловной разумности самодостаточного индивида был абсолютно неприемлем в русской среде. Ее «чистая нравственность», предполагавшая кантианскую внутреннюю свободу, была бесконечно далека от русской «воли». Интуитивно Безобразова это ощущала, когда настаивала на том, что свобода имеет смысл «отрицательный, а не положительный!». Она признавала: «Многие считают, что свобода – свобода от обязанностей, иначе свобода ничего не делать». Она пыталась доказать: «...свободный человек никому не подчинен и ни от кого не зависит – он сам себе господин» [4, с. 28].

Но можно ли русского Обломова превратить в истинного кантианца? Русская моралистка требовала свободы саморазвития человека в унисон с кантианской «моральной автономией личности» и его утверждением о том, что «практическая свобода может быть доказана опытом» [11, с. 659]. Безобразова пыталась обосновать существование жизненной и неукоснительной потребности в моральной деятельности достойного человека. Она утверждала: «...чем человек свободнее и более зависит от себя, тем более нужно ему управлять собой. Чем менее приходится ему ссылаться на зависимость от других, тем

более следует ему думать, чтобы распоряжаться своими действиями и устраивать жизнь по своему усмотрению» [4, с. 28].

Приводимый самой Безобразовой образ болотной тины, как истинного символа окружающей русской жизни, в которой тонут все лучшие порывы, и был бессознательным ответом русской философии на безнадежные призывы к усовершенствованию человека и общества на основе стремления к чистому идеалу.

Вопрос о человеческой нравственности она ставит в неразрывную связь со всеобщим космическим законом причинности, управляющим как природой, так и человеческой личностью, совершающей конкретные поступки (читай по Канту: «...звездное небо над головой и моральный закон внутри меня»). Руководствуясь тем или иным мотивом, человек всегда стоит перед реальным выбором. Причем этот выбор свободен в том смысле, что, наряду с осознанием тех или иных преград и зависимости от конкретных обстоятельств и других людей человек может управлять собой и волен избрать путь самосовершенствования. Поэтому он несет нравственную ответственность за каждый свой поступок. Поступая безнравственно, «человек виноват тем, что не развил в себе иных и лучших стремлений и что мотивы безнравственные оказались для него мотивами сильнейшими» [4, с. 37].

В связи с утопичностью нравственной программы Безобразовой совершенно естественными выглядят ее частые размышления о невозможности счастья и даже о несвязанности нравственных поисков со стремлением к счастью. По ее убеждению, «добро и счастье не тождественны... за добром, как причиною, не следует счастье, как следствие» [6, с. 5].

Уже в своей первой статье об этике Плотина (опубликованной в Германии на немецком языке [19], а затем переведенной на русский в книге «Философские этюды») Безобразова критиковала распространенный в древнегреческой философии афоризм – «мудрецы счастливы». Она раскрывала его как «тончайший и глубочайший эгоизм», поскольку нельзя рассматривать любое доброе дело с точки зрения обязательности последующего вознаграждения. По убеждению русской исследовательницы, «тот, кто поступает нравственно, не думает вовсе о счастье, – он не отступает только от своих убеждений и честен или справедлив без всякой мысли о награде, потому что, по его мнению, честность и справедливость выше счастья; нельзя прилагать такой узкой, можно сказать, купеческой мерки к нравственности и низводить на степени средства то, что служит само себе целью» [6, с. 6].

Здесь выявляется почти точное совпадение взглядов русской моралистки и немецкого классика. Как известно, Кант тоже полагал, что «всякая примесь личного счастья препятствует тому, чтобы моральный закон имел влияние на человеческое сердце» [9, с. 493], а также, что «человек живет лишь из чувства долга, а не потому, что находит какое-то удовольствие в жизни» [там же, с. 415].

Безобразова, как и Кант, резко разграничивала этику, как учение о нравственности, и «эвдемонологию», как учение о счастье, поскольку, на ее взгляд, в противном случае этика утратила бы свою самостоятельность и значение. Она практически вторила Канту: «...человек, который руководствуется долгом, живет ради него и не нуждается в счастье» [3, с. 219].

Безобразова стояла на той «метафизической» точке зрения, что «счастья нет и быть не может». (Возможно, поэтому она увлекалась пессимизмом

Шопенгауэра и нигилизмом Ницше!) Реальное достижение в жизни не может считаться счастьем, потому что «обладание синоним скуки»; счастье относительно и «подкладкою нашего стремления является всегда то, что еще не достигнуто» [6, с. 21]. Для ищущего человека никогда не будут раскрыты все тайны, и вечное желание их постичь всегда будет побуждать его к работе.

Как Кант проводил границу между чистым разумом и опытом, так и Безобразова стремилась отделить чистую нравственность от ее «материального, ложно религиозного опыта». При этом русская моралистка критиковала кантовское учение о долге, уличая его в богословском происхождении [2, с. 41]. Как известно, Кант попытался предложить своеобразный паллиатив решения проблемы, развивая представление о «религии в пределах только разума». Но при этом он невольно рассматривал некоторые эмоциональные мотивы нравственных поступков. Безобразова же категорически отделила этику от сферы чувств, и в упомянутой выше схеме философского знания этика относится к чистой философии и метапсихологии, непосредственно исходя из учения о воле (рассматриваемом параллельно учению о чувствовании!).

Центром «чистой нравственности» в учении Безобразовой является вера в добро. Но оно всегда «слабо и разрознено», а зло сильно и привлекательно, поэтому борьба за добро и должна быть тяжелой. Предваряя обвинения в пессимизме, Безобразова писала: «...то, что я понимаю под чистой нравственностью, впору лишь людям настолько развитым, что они не нуждаются для *своей веры* в добро ни в чем ином. Вера эта в них настолько сильна, что отняла всю жизнь – ничего другого в жизни не осталось, кроме признания этой веры, работы во имя нее» [там же, с. 64].

Сама философская деятельность имела для Безобразовой глубокий нравственный смысл: философ, посвящающий свою жизнь вечному поиску истины, есть одновременно и служитель подлинного и деятельного добра. Понимая философию как «жизненное дело», она стояла на позиции активного воплощения идей «чистой нравственности», даже ценой самопожертвования.

Список литературы

1. Безобразова М.В. Из одного альбома. СПб.: Тип. «Родник», 1912. 104 с.
2. Безобразова М.В. Исследования, лекции, мелочи. СПб.: Тип. «Родник», 1914. 194 с.
3. Безобразова М.В. Краткий обзор существенных моментов истории философии. М.: Тип. А.И. Снегиревой, 1894. 232 с.
4. Безобразова М.В. Публичные лекции. М.: Первая женская типография Е. Гербек, 1901. 120 с.
5. Безобразова М.В. Розовое и черное из моей жизни: сб. / сост., предисл., послесл. и комм. В.В. Кравченко. М.: Аграф, 2009. 479 с.
6. Безобразова М.В. Философские этюды. М.: Тип. Д. И. Иноземцева, 1892. 119 с.
7. Безобразова М.В. Что такое введение в философию // Вопросы философии и психологии. Кн. 2 (37), март–апрель. 1897. Кн. 37. С. 240–251.

8. Кант И. Грёзы духовидца, поясненные грезами метафизика / под ред. и с предисл. А.Л. Волинского / пер. с нем. Б.П. Бурдес. СПб., 1904. 125 с.
9. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 311–504.
10. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1966. Т. 5. С. 161–530.
11. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.
12. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т.4, ч. 2. С. 107–438.
13. Кант И. Об изначально злом в человеческой природе // Кант И. Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 5–58.
14. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 219–310.
15. Кравченко В.В. Безобразова Мария // Идеи в России. Idee w Rossje. Ideas in Russia. Leksykon rosyjsko- polsko- angielski./ Red. J. Dobieszewski. Lodz: Ibidem, 2015. Т. 9. С. 24–29.
16. Кравченко В.В. Мария Безобразова: монография // Вече. Альманах русской философии и культуры. С.-Петербург. гос. ун-т, 1995. № 4. С. 77–150.
17. Кравченко В.В. Творчество М.В. Безобразовой: из предыстории гендерных исследований в России // История философии. Науч.-теорет. журн. 2016. Т. 21. № 1. С. 32–40.
18. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых от начала образованности до наших дней С.А. Венгерова. СПб.: Семеновская типо-литогр. (И. Ефрона), 1891. Т. 2. 422 с.
19. Besobrasof M. Über Plotin's Glückseligkeitslehre. Leipzig, 1887.

KANT'S IDEAS IN MARIA BEZOBRAZOVA'S CREATIVE WORK

V.V.Kravchenko

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow

The first Russian woman-professional philosopher Maria Bezobrazova (1857–1914) was the follower of Kant. The Kant's doctrine became a basis of the original philosophical and ethical concepts of the Russian woman-professional philosopher. In theoretical philosophy, she discussed in the spirit of Kant some problems of metaphysics, knowledge, belief, freedom, etc. Having developed her own teaching of «ethical idealism» and considering urgent problems of the Russian life, Maria Bezobrazova interpreted a number of Kant's ideas. Even criticizing Kant's views, Bezobrazova vainly hoped to promote the Western rationality and responsibility acquired by her in Kant's ethic on the Russian soil.

Keywords: *Maria Bezobrazova, a history of philosophy, metaphysics, the ethical ideals, «a pure morality», duty.*

Об авторе:

КРАВЧЕНКО Виктория Владимировна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет)», г. Москва. E-mail: vickra@mail.ru

Athor information:

KRAVCHENKO Victoria Vladimirovna – Ph.D., Assoc. Prof. of the Dept. of Theory and practice of translation, Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow. E-mail: vickra@mail.ru